

Анастасия Белоусова – поэт, прозаик, журналист. Живет в Алматы. Окончила магистратуру по специальности «литературоведение» в КазНПУ им. Абая. Выпускница семинаров поэзии, прозы и детской литературы ОЛША.

Публиковалась в журнале «Дактиль», альманахах «Агапэ» и «Причинное место», в рамках проекта «Студия» на портале «Новая карта русской литературы». Участвовала в переводческом проекте «Matil». Редактор раздела «Критика и публицистика» в журнале «Дактиль».

Анастасия БЕЛОУСОВА

СИНДРОМ СПАСАТЕЛЯ

– Итак... вас тревожит смерть незнакомого человека, потому что у вас мёрзнут ноги, – повторила психолог, и Аня кивнула. Она тревожно перебирала пальцами в сапогах, словно это могло помочь высушить увлажнившиеся от пота носки. – Хорошо. У меня есть такое предложение. Давайте попробуем пережить эту ситуацию так, как если бы вы были рядом на каждом этапе и могли как-то подтолкнуть этого человека, Ержана, Ердена...

– Ермана. Что за имя такое? Мужчина и по-казахски, и по-немецки... – внятная речь перешла в бормотание, а взгляд забился за плинтус.

– Хорошо, Ермана. Представьте, что вы рядом, вы его друг и можете убедить его поступить по-другому...

– ...я ему говорю: с ума сошёл! Один! В горах! Зимой! Какие ты там маршруты знаешь, какая разница, всё белое вокруг, непонятно ни фига. И он никуда не идёт. Конечно, уверенный в своём опыте казахский мужчина послушался и остался дома, – ближе к концу Аня на секунду возвела глаза к потолку.

– И всё же, – настаивала психолог. – Давайте представим, что вы уже с ним в горах.

– Не могу. Я никогда не ходила в ту сторону.

– Разве не все горы одинаковые?

– И да, и нет. Если... я представляю знакомый маршрут, то в следующий раз, когда пойду по нему, всё время буду чувствовать смерть.

– А вы думаете, что в горах есть маршрут, на котором люди не умирали? У Ани участился пульс.

Если загуглить «Восхождение на пик Титова», то поисковик выдаст: «Нить маршрута: Чимбулак – Мынжылки – Перевал Титова – Пик Титова – Озера...». Знакомые и незнакомые названия проскакивают мимо Ани.

«Обморожение нижних конечностей, нитевидный пульс», – трубили во всех новостях. Тоненькая, хлипкая линия, и на ней подвешен человек. Замер над пропастью с вытянутой вверх ладонью, держится на едва за-

метной ниточке между запястьем и воздухом. Можно даже не заметить момент, когда она оборвётся, когда кто-то ухнет вниз.

Но сейчас пульс нормальный, такой крепкий, что за него можно было бы ухватиться, как за скалолазную верёвку. На этом пульсе Аня с Ерманом проходят оранжевый вагончик – спасательная хижина... а, нет, такие позже поставят. Значит, заледенелый ручей – вода звонко плещется под гладкой коркой. Дорога до альпинистского лагеря занимает каких-нибудь полчаса – Ерман ведь в хорошей форме, не в первый раз в походе.

Лагерь называется «Туюксу» – стоячая вода. Стоячая – значит не движется, не движется – значит мёртвое. Доходят до монумента альпинистам, погибшим в горах. Валун с металлическими табличками, на одной из них написано: «Тебя б сберечь, тебя бы не пустить, но кто остановит барса в пути?»

«Слушай, у нас тут сплошное “оставь надежду всяк сюда входящий”. Давай дальше не пойдём», – говорит Аня. Они перекусывают и спускаются обратно – поход всё равно уже состоялся.

Не спускаются. Время беспощадное, убежало вперёд незаметно, а они беспомощно торопятся догнать, игнорируя свист ветра, оседающий в ушах и звучащий даже после того, как Ворота Туюксу пройдены. Мужчи́на – покоритель, тем более маршрут знакомый, и мысли о том, чтобы не пройти сквозь радушно распахнутые «створки», в этот раз оставить пик Титова непокорённым, противно хихикают в голове, насмехаются. Космонавт и не такие условия переживал, и не такие трудности превозмогал – так разве может Ерман позволить себе меньшее? Знает ли он, что пик назван в честь другого Титова?

Ноги Ани не мёрзнут, пока идут, однако чем дальше, тем чаще они останавливаются, и каждый раз, отпивая чаю с привкусом металла из термоса, она тревожно прислушивается, не дала ли обувь течь, не промокли ли носки? В конце концов Аня лезет в рюкзак за более тёплыми, присев на бревно. «Не хочешь тоже утеплиться?» – спрашивает она. «Я не брал», – спокойно отвечает Ерман.

А вот и плато Мынжылки. Его название переводится как «тысяча кобыл». Тысяча кобыл, которые не проскачут по могиле Ермана, ведь он не батыр, ему не воздвигли курган, не прогнали через него табун, чтобы сравнять с землёй и защитить от расхитителей. Он обычный человек, которого ждёт дома невеста и, наверное, думает: «Только вернись, золотой ты мой человек»... Хоронить его, может быть, придётся тоже ей.

Но сейчас он жив. Спустя шесть или семь часов с начала пути они достигли перевала. Уже 14:15. И летом-то подъём занял бы часа два, а уж зимой... «Не успеем», – помотала головой Аня. «И правда», – говорит Ерман, и они довольствуются тем, что дошли до перевала, и спешат обратно в город, понимая, что даже так уже будут возвращаться в темноте.

Нет – его всегда учили, что нельзя останавливаться на полпути к цели. Он преодолет все ложные вершины, чтобы дойти до истинной, и тогда возвеличится, достигнув пика. Так, думает Ерман, он победит самого себя, природу, рок.

Оглядываясь город, застеленный смогом и туманом, и довольно вдыхает горной ясности. Говорит: «Вот здесь – настоящая жизнь». Затем они спускаются куда-то ещё медленнее, чем поднимались, зачастую – вприсядку, не шагом, а карабкаясь по крутым и острым каменным ступеням, закруглённым плотным слоем снега. Аня видит, как Ерман щурится, лишь изредка подсвечивая путь телефоном – экономит заряд. Всё чаще осматривается, и во взгляде у него смешиваются узнавание с угадыванием,

очертания соседних хребтов растворяются в тёмной мерзлоте, и в конце концов остаётся только вера в то, что они существуют.

Наконец он останавливается и говорит: «Трудно идти стало. Скажу Анаре». Аня спрашивает: «А может, сразу звонить в МЧС?» «Связь теряться может, оборваться. Ей сообщу, и она уже всех поднимет». По глазам видно – очень хочет услышать родного человека, в тиши, глуши и холоде – сердце отогреть. «Ну, ты как хочешь, а я в МЧС».

«В роще ниже озёр Титова? Там же сеть не ловит, как вы позвонили? Скиньте геолокацию. Это другое место, и здесь действительно должно ловить. Вы ошиблись, ждите на этой точке, никуда не уходите, это важно». Пару часов, конечно, приходится то мёрзнуть, то ходить кругами, зато потом можно с чистой совестью залезть на спины к спасателям и расслабиться.

Ерман не хочет разводить панику, он говорит с невестой спокойно, очень подробно описывает место и путь. С этого момента начинается история Ермана как трупа. Смерть подкрадывается от ног, поэтому, прощаясь, люди прикасаются к тому месту, что было источником. Обувь Ермана дала течь.

Снег в темноте не белый – под деревьями чёрный совсем, а если ночной свет попадает – синий, как небо. Месишь его ногами, и кажется, вот-вот провалишься в космос. Ноги промокают, согреть их всё труднее, а с холодными конечностями невозможно думать ни о чём, кроме них. Четыре часа не ты ходишь ногами, а они – тобой, но вот наконец вдалеке неясное мерцание, крики. Спасены! Отправляет сообщение невесте – радостное, полное чувства, что худшее уже позади.

«Наверняка у них есть с собой горячий чай. Целый термос выпью. А маму попрошу бешбармак сделать», – рассказывает Ане, а та всё кивает и кивает, прислушиваясь, как пытаются закостенеть промежутки между пальцами ног.

Но время идёт, а спасатели – нет. «...рассвет!.. рассвета!..» – то ли слышалось, то ли почудилось, и вот расслабившийся было Ерман уже мечется, словно раненый зверь. «Как же, до рассвета? Почему до рассвета?! Эй! Э-эй! Что мне делать до рассвета?!» Тишина. «Неужели уходят?» – у Ермана от этого заледенели и голос, и мысли. «Как же... до рассвета?!»

Успокоенные надеждой на согревание ноги теперь словно разрастаются до размеров всего Ермана, и вот уже целое тело не может утешиться, неспособное убежать от себя, от огромных чёрных дыр в ступнях, что высасывают тепло. «Ведь рядом стоят, не хотят идти ко мне! С другой стороны горы стоят! Светят фонарем! Ждут рассвета!» – он записывает голосовые, одно за другим, чтобы хотя бы словами выбраться отсюда, дотянуться до близких.

Для Ани он уже мёртв, но она подаёт голос, когда мужчина обессиленно садится в снег. «Если остановишься – замёрзнешь». «Не могу больше. Ноги промокли. Болят», – решительно отвечает Ерман. Влага, которой больше нет в термосе, проникла сквозь обувь и заставила кожу набухнуть, воспалиться, растереться до покраснений. Только вот из-за холода горячая боль чувствуется притупленно.

Он то вставал и ходил, то снова опускался, ждал рассвета. Но с рассветом никто не пришёл, и Ерман, чем дальше, тем дольше отдыхал и тем меньше ходил. В какой-то момент не выдержал – он словно нарезал круги ада. Пошёл вперёд, сам не зная, навстречу спасателям или отдаляясь от них – они могли появиться теперь с любой другой стороны. Ждать тяжело, а когда идёшь куда-то, тешишь себя иллюзией контроля.

Второй день и больше суток в горах. Совершенно нечем занять мысли, поэтому их занимает холод. Сначала Ерман думал: «Вот если сейчас заберусь на тот гребень, найду спасателей». Сердце билось чаще, он справлялся с подъёмом, но оттуда никого не было видно. Тогда Ерман обещал себе: «Вот если сейчас спущусь и не подверну ногу, тогда меня найдут». И снова история повторялась и повторялась, пока не наступила ночь и не забрала надежду. В тёмное время не будут искать. Тихая ночь. Тихая ночь.

Третий день, и больше двух суток в горах. «Ты всё ещё жив, это о чём-то да говорит», – подбадривала Аня. «Я всё ещё здесь, значит, точно умру», – отвечал Ерман и кричал на горы. Орал на морозе, пока не сорвал голос и не ошпарил лёгкие ледяным воздухом от частых и глубоких вдохов. «За что вы так со мной?! Я ведь любил вас, любил!» – вопрошал будущий труп, но с гор нельзя спросить, как с любимой. Горы не могут предать, их остаётся только принимать и наслаждаться близостью, пока можешь. Рисковать проникать в них, надеясь, что они не успеют проникнуть в тебя.

Потом силы иссякли, и тогда даже мысли стихли. В какой-то момент Ерман перестал подниматься для того, чтобы согреться.

«Утешься. Ведь ты погибаешь не худшим из способов. Женя Тимонова говорила: “Если будет возможность выбирать, умереть от удушья или от холода, выбирайте второе. Да, удушение быстрее, несколько минут, но это будут худшие пара минут. Смерть от холода – это медленное погружение в небытие. Говорят, люди под конец даже согреваются”, – сказала ему Аня. – Согреться – это ведь такое блаженство».

«Блаженство, блаженство...», – казалось, вторили горы, которыми Ерман так дорожил, и равнодушно присваивали его себе. Да так до конца и не присвоили – спасатели забрали человека и спустили в город его тело. Аня умирала вместе с ним в горах и недоумирала, что хуже всего. Там осталась плакать и сетовать: «Раз смерть неизбежна, нужно было отдаться горам! Завершить жгучий танец танатоса во имя эроса, где смерть была бы оргазмом, высшей точкой соединения! Болезненной, невыносимой для человека, но естественной и прекрасной для природы...»

Но его унесли. Всё, что у Ермана оставалось, это его судьба – замёрзнуть насмерть и остаться там навсегда, но и её отобрали. Синдром спасателя не спасает от обстоятельств смерти.

Сердце остановилось при спуске. Сердце хотело успокоиться в горах. «Выпустите меня».

